

А.В. Корнеев (Москва, Россия)

Судьба нас не свела, или Великий мистификатор

А.В. Корнеев (Moscow, Russia)

Fate Did not Bring Us Together, or The Great Mystifier

Если Бог пошлет мне читателей, то, может быть, для них будет любопытно узнать, каким образом решился я стать литератором. Почти так начинает пушкинский герой Иван Петрович Белкин «Историю села Горюхина». Вслед за ним могу повторить другие его слова: «Звание литератора всегда казалось мне самым завидным». И прекрасно понимаю чувства юноши, который, забыв обо всем на свете, несколько кварталов мчался по уважаемому Невскому проспекту, желая позвать руку человеку, который был ПИСАТЕЛЕМ!

Это слово казалось волшебным. Стать когда-нибудь писателем – о таком я даже мечтать не мог. Высший предел, который когда-нибудь удастся достигнуть, заключался в более скромном слове – литератор. Много лет я оставался читателем и этим удовлетворен. А когда исполнилось пятьдесят, был принят в Союз писателей – как автор множества публикаций в периодике; книги выйдут позднее.

Мои детство и юность прошли на углу двух московских переулков в самом буквальном смысле: одно окно комнаты на шестом этаже выходило в Астраханский переулок, другое – в Грохольский, между ними балкон. Мысленно перенесемся на шесть десятилетий назад, в июнь 1962 г. Мне шестнадцать лет, я только что перешел в десятый класс. Тем летом наша семья долго не уезжала на дачу: старший брат сдавал вступительные экзамены в институт. Предоставленный сам себе, я обивал пороги редакций второстепенных газет, предлагая какие-то заметки в тщетной надежде напечататься. Однако мои опусы, даже внешне производившие жалкое впечатление: написанные от руки, с обеих сторон листа, – никого заинтересовать не могли.

Обходя редакции «Московского комсомольца», «Московской правды», «Ленинского знамени» (все

они размещались в одном здании на Чистопрудном бульваре), я не добрался тогда до верхнего этажа, где находилась редакция «Вечерней Москвы», и не встретился с журналисткой Наталией Дилегинской. Если бы я разговорился с ней, то, вероятно, смог бы узнать, что совсем неподалеку от меня живет удивительный человек, про которого не раз уже писала и она сама, и другие, и мою заметку о нем охотно напечатает любая газета! Звали этого человека Антонин Аркадьевич Раменский. Инвалид Отечественной войны, прикованный к постели, он был потомком династии сельских учителей, которой как раз тогда исполнилось 200 лет. О нем и его династии уже появилась огромная, на целую полосу, статья в «Красной звезде», а через год вышла книжка «Династия учителей Раменских»¹.

«Двести лет учителя Раменские, потомки легендарного теперь основателя великолепной педагогической династии, не выпускают из рук своих светильник знаний. Вот завет, передающийся из поколения в поколение этих убежденных сельских учителей: беречь авторитет школы среди крестьян, среди родителей, среди учеников. Да будет третий век династии Раменских еще более счастливым!» – так писали газеты.

Если бы я тогда знал о таком соседстве, то с радостью написал бы об этом человеке, (не подозревая, как и многие тогда, что имею дело с искуснейшим мистификатором). Верится, что возникшее знакомство не ограничилось одной моей заметкой, но и продолжилось бы. Объяснив, что живу неподалеку, я предложил бы свою помощь Антонину Аркадьевичу в бытовом плане: сходить в магазин, в аптеку, на почту... Такая помощь принесла бы помощь не только Раменскому, но и мне, давая возможность общаться с этим человеком и писать о нем.

Думается, если бы наше знакомство с Раменским произошло летом 1962 г., я одним из первых смог бы увидеть книгу, которую знаменитая пушкинистка Татьяна Григорьевна Цявловская в скором времени назовет в своей работе, напечатанной в сборнике «Временник Пушкинской комиссии», «совершенно исключительной по значению находкой»².

Ветхий растрепанный томик в покоробленном переплете с потертым кожаным корешком, «Ивангое, или Возвращение из крестовых походов» – так назывался первый перевод романа Вальтера Скотта «Айвенго» на русский язык. На титульном листе еле заметно проступали выцветшие от времени надписи, в том числе и подпись «Александр Пушкин».

Как объяснял Антонин Аркадьевич, книга эта была семейной реликвией, из поколения в поколение передававшейся учителями Раменскими, которые на протяжении почти двух столетий обучали ребятишек в селе Мологине, что находилось в Старицком уезде Тверской губернии между Ржевом и Торжком. Незадолго до начала Великой Отечественной войны библиотека и семейный архив были переданы Раменскими в Ржевский краеведческий музей, где безвозвратно погибли.

Томик с пушкинским автографом уцелел чудом. От взрыва попавшей в дом Раменских немецкой авиабомбы в разные стороны разметало целую кучу книг и бумаг. Роясь после войны на пепелище, Антонин Аркадьевич в развалинах церковной сторожки обнаружил измазанную мазутом, разорванную, со склеившимися страницами книгу. Раменский отложил ее в сторону, потом вместе с другими, которые удалось отыскать, перевез в Москву. Прошло немало лет, когда он, разбирая найденные книги, обнаружил надписи на титульном листе томика Вальтера Скотта –

¹ *Маковеев М.С.* Династия учителей Раменских. М.: Советская Россия, 1963.

² *Цявловская Т.Г.* Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта // Временник Пушкинской комиссии 1963. М.; Л., 1966. С. 30.

написанные коричневыми орешковыми чернилами совершенно вылинявшие слова. В лаборатории Института марксизма-ленинизма листы с записями расчистили, отреставрировали и сфотографировали в ультрафиолетовых лучах. И проступили строки дарственной надписи Пушкина прапрадеду нашего современника:

Ал.Ал. Раменскому
Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора,
Уйти опять в пустынные дубровы
На берега сих молчаливых вод.

Под стихами нечетко написаны число и месяц и ясно:

год – 1829.

Грузины – Александр Пушкин.

На других страницах книги были зачеркнутые стихотворные строки и пушкинские рисунки: виселица с пятью повешенными декабристами, весы, – сделанные рукой поэта и знакомые по другим источникам. Зачеркнутые строки сумел прочесть замечательный пушкинист профессор МГУ Сергей Михайлович Бонди.

Грузины – так называлось имение в Тверской губернии, принадлежавшее генерал-майору Константину Марковичу Полторацкому. Пушкин был знаком со многими Полторацкими: Петром Марковичем (отцом Анны Петровны Керн), его сестрой Елизаветой Марковной (по мужу Олениной), дочерью последней Анной Алексеевной, которой посвятил в 1828 г. Александр Сергеевич многие лирические стихи.

Как писала Т.Г. Цявловская, надпись на томике «Айвенго», сделанная поэтом, обогащала пушкиниану новыми сведениями. До сих пор не было известно о знакомстве Пушкина с К.М. Полторацким, о его посещении имения Грузины. Никогда не упоминалось в окружении поэта и имя Алексея Алексеевича Раменского. А дарственная надпись свидетельствовала о добром отношении поэта к скромному сельскому учителю.

Заключение пушкинистов было положительным: надписи на книге сделаны рукой великого поэта. Академия наук приобрела книгу для Пушкинского Дома.

Заведующий рукописным отделом Николай Васильевич Измайлов известил А.А. Раменского осенью 1963 г.: «Глубокоуважаемый Антонин Аркадьевич, с радостью сообщая Вам, что книга “Ивангое” с автографами Пушкина благополучно прибыла к нам и водворена на место в Пушкинское хранилище. Великое дело Вы сделали, сохраняя эти драгоценные полустертые строки и найдя им действительно достойное место – Пушкинский дом. Автографы неказистые с виду, но изумительные по содержанию. Смело могу сказать, что автографы Пушкина такого научного значения давно не появлялись на наших глазах, появляются, быть может, раз в десятилетие и притом все реже и реже»¹.

Если бы мне довелось познакомиться с Антонином Аркадьевичем, я бы писал об этом человеке много раз. Дарственные надписи на книгах и фрагменты писем из архива Раменских могли бы стать основой многих заметок, от которых, думается, не отказалась бы любая газета.

¹ Цит. по: *Никитин А.Г.* Пушкин и Урал. Про следы находок и утрат. Пермь, 1984. С. 261.

«Товарищу юности моей Алексею Раменскому. Посвяти себя делу своему. Александр Радищев. 1801 года, Санкт-Петербург».

«Наконец, я вступаю в чертог вечности. Не умирать, но жить страшиться должно – таковы строки предсмертного письма Радищева, адресованного прапрадеду Антонина Аркадьевича. – Совесть управляла всеми моими действиями, но и жизнь бедственная сто крат несноснее самой смерти. Она стала чрезмерным чумением, и каждый шаг ее – преддверие к смерти. Нет, никакие сокровища, кроме добродетели, не сильны установить душевной тишины».

«Старейшему учителю Тверской губернии Алексею Алексеевичу Раменскому в память о нашей встрече в Торжке. Благодарный автор Николай Карамзин»

«Сия История Государства Российского сочинения Ник.Мих. Карамзина, драгоценный дар вдовы его Екатерины Андреевны с письмом ее учителю Алексею Алексеевичу Раменскому. Первые томы были любезно доставлены в Мологино великим пиитом Российским Александром Сергеевичем Пушкиным проездом из Санкт-Петербурга августа 22 дня 1833 года, и был сей день праздником семьи нашей. Остальные томы высылал издатель оных Смирдин.

Учитель Берновской экономии Александр Раменский июня 9 дня 1837 года с. Мологино».

Вот строки из письма Александра Александровича Пушкина, сына великого поэта, адресованные Раменским: «...Наша семья передает Вам в дар памятную перочистку отца... Эта перочистка художественной работы XVIII века подарена моему отцу его московским другом Павлом Воиновичем Нащокиным, моим крестным отцом... Приобретена она была П.В. Нащокиным у некоей Алябьевой, доводившейся двоюродной сестрой Николаю Ивановичу Новикову, и ранее принадлежала самому Новикову... Когда Вы будете осматривать эту перочистку, обратите, пожалуйста, внимание на обилие застывших в ней чернил. Это слились воедино чернила, которыми писал великий Новиков, с чернилами моего отца – в едином порыве просветительской и поэтической деятельности на благо нашего Отечества».

Раменские были адресатами писем многих знаменитых людей. И хотя оригиналы этих писем погибли в огне войны, содержание их дошло до нас. В этом семействе существовала традиция дублировать – переносить для сохранности самые значительные документы на свободные места страниц книг и журналов: форзацы, шмуцтитуды, обороты титульных листов, пробелы в тексте.

В архиве Раменских хранилось и письмо самого Александра Сергеевича Пушкина. И хотя оно тоже не уцелело, но содержание его известно: текст был переписан на шмуцтитуде одного из томов журнала «Библиотека для чтения» за 1837 г. Правда, первый написавший о неизвестном пушкинском письме журналист и писатель А.С. Пьянов не опубликовал его, ограничился пересказом. «Не имея подлинника, мы не вправе пока публиковать этот текст как безусловно пушкинский, – объяснил Алексей Степанович. – Во-первых, потому, что невозможно (по крайней мере, сегодня) установить подлинность утерянного письма, во-вторых, потому, что даже если список делался с автографа, переписчик мог допустить неточность. А ведь речь идет о пушкинском письме. И здесь каждое слово имеет значение, требует подтверждения абсолютной достоверности»¹.

По словам Антонина Аркадьевича, в доме учителей Раменских, что в селе Мологино Тверской губернии, на протяжении полутора столетий собирались документы и книги, составившие богатейшие архив и библиотеку, в том числе 136 листов рукописей Пушкина, около 10 тысяч писем: Радищева, Новикова, Боло-

¹ Пьянов А.С. «И был сей день великим праздником...» // Юность. 1979. №6. С. 91.

това, Карамзиных, Муравьевых, Жуковского, Лажечникова. Незадолго до начала Великой Отечественной войны эти реликвии были переданы в Ржевский краеведческий музей. По распоряжению народного комиссара просвещения РСФСР А.С. Бубнова Калининским облоно¹ была создана комиссия во главе с директором Ржевского краеведческого музея для изучения семейного архива и библиотеки Раменских, в которую вошли преподаватели ржевских средних школ и педагогического техникума. Три года комиссия работала над описанием документов и книг из собрания Раменских. Наконец, 1 сентября 1938 г. комиссия подписала подробнейшую опись. Отпечатанная на машинке через один интервал, она составила 73 страницы убористого текста и получила название «Акт о педагогической и общественной деятельности семьи учителей Раменских из села Мологино Калининской области»

Тогда же Антонин Аркадьевич Раменский, наследник и продолжатель традиций славной династии, передал архив и библиотеку в Ржевский краеведческий музей. Там же остались и экземпляры описи, один из которых был вручен Раменским. Он хранился у члена комиссии Н.Я. Смолькова, педагога, в прошлом революционера-подпольщика, бывшего в родстве с Раменскими. После смерти Смолькова экземпляр описи находился у вдовы, которая отвезла его в Вологду к сестре. Незадолго до начала войны та переехала в Павловский Посад, где спрятала свой экземпляр на чердаке и забыла о нем. Прошло почти тридцать лет, когда при ремонте дома документ был найден. Он сохранился, вложенный в тонкий картон и в полуистлевший номер газеты «Известия» от 16 июля 1935 г. В 1985 г. публикация описи архива и библиотеки Раменских, увидела свет в журнале «Новый мир».

* * *

На углу Астраханского и Грохольского тридцать лет спустя. Над моей головой балкон бывшей нашей комнаты.

Мне не довелось познакомиться с Антонином Александровичем Раменским. Не довелось слушать его рассказы о предках, перелистывать ветхие страницы старинных книг, в том числе и «Всеобщий секретарь, или Новый и полный письмовник», напечатанный «в Санкт-Петербурге в типографии Ивана Глазунова. 1811 года». Эта книга, по его словам, передавалась по наследству из поколения в поколение, и каждый новый ее обладатель – очередной сельский учитель из рода Раменских – вносил сведения о себе в летопись династии.

Заключительная запись была сделана Аркадием Николаевичем, работавшим в селе Мологине до 1961 г. О том, что его сын, последний из рода Раменских, жил совсем рядом в том же Грохольском переулке: я – в доме 15/1, он – в доме 10/5², мне стало известно много лет спустя после его кончины от А.С. Пьянова, с которым работал в одной редакции.

¹ Областной отдел народного образования. – прим. ред.

² Возможно, в то время, о котором я пишу, Раменский еще не переехал в указанный дом и жил в Орлово-Давыдовском переулке, который также хорошо знаком мне.

Поскольку мне не пришлось познакомиться с Антонином Аркадьевичем Раменским, я обращаюсь к воспоминаниям человека, кому довелось с ним общаться, того же Алексея Степановича Пьянова: «Я сижу в небольшой, заполненной книгами комнате уютной квартиры в Грохольском переулке. Слышно, как мчатся машины по проспекту Мира, как шумит вечерняя Москва. Но это не мешает “путешествию” в минувшие века. На крепком дубовом столе (он, согласно семейному преданию, сделан руками Петра I и подарен им одному из Раменских¹) старинные хроники в истертых кожаных переплетах, деревянная шкатулка работы Петра, выкованный им корабельный гвоздь... На стенах – портреты Алексия и Алексея Алексеевича Раменских, Радищева, Пушкина...»².

В 1974 г. Раменский подарил Государственному музею Пушкина обширный набор вещей, будто бы принадлежавших поэту: детскую распашонку, полотенце, будто бы вышитое Ариной Родионовной, детскую чашечку, гусиное перо, перочистку, дорожный подсвечник, бумажник, серебряную чайную ложечку, японский рисунок, игральные кости, статуэтку Будды. Экспертиза переданных в дар музею Пушкина предметов, проводившаяся специалистами Государственного исторического музея, Третьяковской галереи, Государственного литературного музея, определила, что фарфоровая чашечка, перочистка, японский рисунок, фигурка Будды не могли принадлежать Пушкину, поскольку относятся к концу XIX – началу XX в. Остальные предметы эксперты датировали концом XVIII – началом XIX в.; следовательно, они могли быть пушкинскими. Протокол заседания Фондовой комиссии Государственного музея А.С. Пушкина от 17 апреля 1975 г. гласил: «Полагать подлинными мемориальными вещами и в этом качестве экспонировать детскую распашонку, перо гусиное, полотенце, подсвечник, игральные фишки, медную гривну, книгу (роман А.П. Степанова “Постоялый двор”, обложку неизвестной книги с записью стих. Пушкина “В Сибирь” <...>. Вещи более поздние, не имеющие мемориальной ценности, хранить как возможные свидетельства о тех мемориях, которые были прежде в коллекции, но со временем утрачены».

Двадцать пять лет писали газеты и журналы об Антонине Аркадьевиче Раменском. Последней была совпавшая по времени с его кончиной обширная публикация описи архива и библиотеки в журнале «Новый мир» «Обратить в пользу для потомков»³. Предупреждение «От редакции» начиналось словами: «Авторитетная комиссия дала заключение: перед нами подлинный документ».

Публикация содержала письмо Пушкина, предсмертное письмо-завещание Радищева, письма Николая Новикова, Андрея Болотова, Матвея Муравьева-Апостола, Софьи Перовской. Однако прошло полгода и в «Литературной газете» были напечатаны отзывы литературоведов и историков, доказывающих, что содержащиеся в описи и опубликованные в «Новом мире» письма А.С. Пушкина, А.Н. Радищева, А.Т. Болотова, А.И. Герцена, О.С. Чернышевской представляют собой мистификацию, поскольку в них приводятся факты, которых не было в действительности⁴. Еще через несколько лет появилась статья, посвященная надписям на книге «Ай-

¹ «Сей стол, сработанный лично императором Петром Великим, дан учителю, лоцману и строителю Герасиму Раменскому в Цареве лета 1717 г.» – надпись на бронзовой табличке, прикрепленной к столешнице.

² Пьянов А.С. «Мои осенние досуги». М., 1979. С. 194.

³ «Обратить в пользу для потомков...» / Публ., предисл. и прим. М. Маковеева // Новый мир. 1985. № 8–9.

⁴ Осторожно: сенсация! // Литературная газета. 1986. № 22.

венго», которые в свое время как пушкинские высоко оценили Т.Г. Цявловская, С.М. Бонди, Н.В. Измайлов, названная «История одной мистификации»¹.

Произошло невероятное: скромный пенсионер, прикованный к постели инвалид Антонин Аркадьевич Раменский оказался мистификатором, сумевшим ввести в заблуждение знаменитых ученых – Т.Г. Цявловскую, С.М. Бонди, Н.В. Измайлова, Н.Я. Эйдельмана, Ф.Ф. Кузнецова.

Кто же он, Антонин Аркадьевич Раменский? Какие познания необходимо было иметь для этого? Окончил педагогический техникум в Бологом, затем, как указывал в анкетах, учившись в Коммунистическом университете (когда и как долго?). Ведь написание поддельных пушкинских автографов орешковыми чернилами, употребляемыми в 30-е гг. XIX в., требовало не только тщательного труда и старательности, но и знания эпистолярного стиля и орфографии того времени. Еще больших усилий требовало создание не менее искусной подделки, но иного плана – «Акта о педагогической и общественной деятельности семьи учителей Раменских», составленного, по свидетельству видного историка, члена-корреспондента РАН В.П. Козлова, в «обычной делопроизводительной манере с перечнем членов комиссии, обследовавших архив и библиотеку, – людей, хорошо известных в Тверском крае», «вполне квалифицированно, по профессионально-библиотечным правилам»², – на 73 страницах машинописного текста через один интервал.

Что заставило умного, талантливого, эрудированного человека стать мистификатором? Об этом размышлял В.П. Козлов в книге «Обманутая, но торжествующая Клио», назвав одну из глав «Бесценное собрание рукописей и книг в последнем “акте” драматической судьбы Раменских»: «Антонин Аркадьевич Раменский не желал, чтобы его мир был замкнут стенами квартиры. Тяжкий недуг, приковавший его к постели, не позволял ему заняться поисками сведений о своих предках в архивах и книгохранилищах. И тогда он начал создавать легенду, чтобы запечатлеть память о своем роде в истории Отечества»³. Постараюсь продолжить эту мысль. Вероятно, Антонин Аркадьевич часто задумывался над тем, о чем писали две центральные газеты менее чем за год до его кончины.

«Имя Раменских растворилось во множестве имен. Выходили замуж дочери, племянницы, меняли фамилии, и в каждом из этих ответвлений семейного дерева Раменских – несколько поколений учителей. Но да помнят они все Раменских!»; «Антонин Аркадьевич – единственный и бездетный сын. Неужто оскудело это мощное зеленое древо жизни?» – и все сильнее крепло в нем желание оставить память о династии учителей Раменских.

В который уже раз задумываюсь над тем, что было бы, если бы тогда, в далеком 1962 г., мне, шестнадцатилетнему мальчику, довелось познакомиться с Антонином Аркадьевичем? Кто знает, возможно, это знакомство изменило бы мою судьбу. Прежде всего, первые мои публикации (о которых я так мечтал!) появились бы уже в то время. Но главное в ином. Быть может, я, познакомившись благодаря Антонину Аркадьевичу со знаменитыми пушкинистами, отважился бы два года спустя поступать на филологический факультет МГУ, а не областного пединститута. А потом, после окончания университета, не обивал бы пороги кафедр различных вузов в надежде как-нибудь прикрепиться к аспирантуре, а действительно мог стать аспирантом (причем темой диссертации, вероятно, были бы «открытия»

¹ *Краснобродько Т.И.* История одной мистификации. (Мнимые пушкинские записи на книге Вальтера Скотта «Айвенго».) // Легенды и мифы о Пушкине: Сб. статей. СПб., 1994. С. 277–289.

² *Козлов В.П.* Обманутая, но торжествующая Клио. М., 2001. С. 140.

³ Там же. С. 167.

Раменского). И все эти годы общался бы с Антонином Аркадьевичем и писал о нем, тем самым способствуя расширению созданной им легенды. И хотя, вероятно, я смог бы стать кандидатом наук и раньше вступил бы в Союз писателей, скажу откровенно: не жалею о том, что не произошло. Тем тягостнее было бы пережить разочарование, когда раскрылось, что человек, много лет бывший моим кумиром, – мистификатор.

Автор книги «Обманутая, но торжествующая Клио» не сомневается, «кто был душой, двигателем и исполнителем мифа о Раменских, оформившегося в серию мистификаций... Антонин Аркадьевич проявил в высшей степени изощренную изобретательность и фантазию, знания и трудолюбие, энергию и смелость для документального оформления красивой и сложной исторической легенды»¹. Соглашаясь с В.П. Козловым, следует заметить, что один Раменский претворить эту легенду в жизнь не мог. Для ее осуществления, в том числе создания «Акта», был необходим надежный и деятельный помощник. Думается, таким многолетним помощником мистификатора был человек, едва ли не первый начавший в печати обнародование легенды о династии Раменских большой статьей на целую полосу в «Красной звезде», год спустя продолживший его книгой, а через 34 года достойно завершивший огромной сенсационной публикацией в двух номерах «Нового мира», – опытный военный журналист М.С. Маковеев.

Завершая рассказ о несостоявшемся знакомстве с Раменским, хочу заметить: быть может, я и сам, не дожидаясь разоблачения мистификаций в «Литературной газете», сумел бы осознать, что человек, много лет бывший моим кумиром, – обманщик. К огромному счастью для меня, этого не случилось. Однако не стоит гадать о том, чего не произошло. История даже в самых малых проявлениях не знает сослагательного наклонения.

ЛИТЕРАТУРА

Маковеев М.С. Династия учителей Раменских. М.: Советская Россия, 1963. 47 с.: ил.

Цявловская Т.Г. Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта // Временник Пушкинской комиссии 1963. М.; Л., 1966. С. 5–30.

Никитин А.Г. Пушкин и Урал: По следам находок и утрат. Пермь: Кн. изд-во, 1984. 287 с.: ил.

Пьянов А.С. «И был сей день великим праздником...»: Неизвестное письмо А.С. Пушкина // Юность. 1979. № 6. С. 88–92.

Пьянов А.С. «Мои осенние досуги»: [А.С. Пушкин в Тверском крае]. М.: Московский рабочий, 1979. 320 с.: ил.

«Обратить в пользу для потомков...» / Публ., предисл. и прим. М. Маковеева // Новый мир. 1985. № 8. С. 195–212; № 9. С. 218–236.

Осторожно: сенсация! // Литературная газета. 1986. № 22.

Краснобородько Т.И. История одной мистификации. (Мнимые пушкинские записи на книге Вальтера Скотта «Айвенго».) // Легенды и мифы о Пушкине: Сб. статей. СПб., 1994. С. 277–289.

Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письм. источников по рос. истории в XX веке. М.: РОССПЭН, 2001. 221, [2] с.: ил., табл., факс.

¹ *Козлов В.П.* Обманутая, но торжествующая Клио. С. 168.

REFERENCES

Makoveev M.S. (1963) *Dynasty of Ramensky Teachers*. Moscow. Sovetskaya Rossia Publ. 47 p.: ill.

Tsyavlovskaya T.G. New Autographs of Pushkin on the Russian Edition of “Ivanhoe” by Walter Scott. In: *Vremennik of Pushkin Commission 1963*. Moscow; Leningrad. 1966, pp. 5–30.

Nikitin A.G. (1984) *Pushkin and the Urals. About the traces of finds and losses*. Perm. Knizhnoe Izdatelstvo Publ. 287 p.: ill.

Рянов А.С. “And this day was a great holiday...”: Unknown letter from A.S. Pushkin. *Yunost*. 1979. No 6, pp. 88–92.

Рянов А.С. (1979) “My autumn leisures”: [A.S. Pushkin in the Tver region]. Moscow. Moscovsky Rabochij Publ. 320 p.: ill.

“To be used for the benefit of posterity...” / Publ., introd. and comment. by M. Makeev. *Novyj Mir*. 1985. No 8, pp. 195–212; No 9, pp. 218–236.

Caution: Sensation! *Literaturnaya Gazeta*. 1986. No 22.

Krasnoborodko T.I. The Story of a Hoax. (Imaginary Pushkin notes on Walter Scott’s book “Ivanhoe”). In: *Legends and Myths about Pushkin: Collection of articles*. St. Petersburg. 1994, pp. 277–289.

Kozlov V.P. (2001) *Deceived but Triumphant Clio. Forgeries of written sources on the history of Russia in the 20th century*. Moscow. Rosspen Publ. 221, [2] p.

Сведения об авторе:

Алексей Вениаминович Корнеев,
историк русской литературы XIX века
член Союза писателей РФ

Aleksey V. Korneev,
he Historian of Russian Literature of the 19th c.
Member of the Union of Writers
of the Russian Federation

korneeв-kav@mail.ru